

Малыгина Инна Юрьевна

**ЛИТЕРАТУРНО-ЯЗЫКОВОЕ РОДСТВО А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА И ПИСАТЕЛЕЙ-ДЕРЕВЕНЩИКОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ "РУССКОГО СЛОВАРЯ ЯЗЫКОВОГО РАСШИРЕНИЯ")**

В статье определяется специфика языкового и литературного родства А. Солженицына и писателей-деревенщиков. Через анализ лексем, включенных в "Русский словарь языкового расширения" с пометой принадлежности В. Белову, В. Распутину и В. Астафьеву, раскрывается вопрос функционирования данных слов в произведениях А. Солженицына с точки зрения сохранения или изменения писателем смыслового поля того или иного слова.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/3-1/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 3(57): в 2-х ч. Ч. 1. С. 33-36. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

№	Сюжетные мотивы
5.1.2.	Богатырь убивает женщину абаасы. Кюн Тэгиэримэн убивает женщину абаасы и вешает ее тело на дороге. <i>Егоров С. С. Кюн Тэгиэримэн, л. 38.</i>
5.2.	Борьба героя с богатырем абаасы.
5.2.1.	Оскорбление и гнев богатыря абаасы. Приезжает богатырь абаасы Уот Усумул на быке с охоты. Из-за близорукости сперва не узнает свою мертвую сестру, затем, узнав ее, сердится на Кюн Тэгиэримэна. <i>Егоров С. С. Кюн Тэгиэримэн, л. 38.</i>
5.2.2.	Связывание героя волшебной веревкой ап-чарай. Уот Усумул, кувыркнувшись три раза, превращается в туман и связывает богатыря волшебной веревкой ап-чарай. Уот Усумул радуется, однако, учитывая будущие родственные отношения, не добывает его и идет к своей невесте. <i>Егоров С. С. Кюн Тэгиэримэн, л. 39-41.</i>
5.2.3.	Освобождение от веревки ап-чарай с помощью птицы ексекю. Прилетает птица ексекю и своим клювом рвет веревку. <i>Егоров С. С. Кюн Тэгиэримэн, л. 42.</i>
5.3.	Единоборство с противником. Кюн Тэгиэримэн и Уот Усумул начинают биться друг с другом. Богатырь айбы постепенно побеждает абаасы. <i>Егоров С. С. Кюн Тэгиэримэн, л. 43-48.</i>
5.4.	Победа богатыря айбы. Герой не поддается на уговоры Уот Усумула и убивает его. <i>Егоров С. С. Кюн Тэгиэримэн, л. 49.</i>
VI.	<i>Развязка сюжета</i>
6.1.	Освобождение девушки айбы. Кюн Тэгиэримэн освобождает свою сестру, от радости они обнимаются и целуются. <i>Егоров С. С. Кюн Тэгиэримэн, л. 50-51.</i>
VII.	<i>Заключительная часть</i>
7.1.	Возвращение на родину. Кюн Тэгиэримэн призывает свою птицу ексекю и говорит о возвращении на родину. <i>Егоров С. С. Кюн Тэгиэримэн, л. 52.</i>

**THE INDICATOR OF PLOT MOTIFS OF SELF-RECORDS OF OLOMKHO
(BY THE MATERIAL OF THE CREATIVE WORK BY S. S. EGOROV)**

Kuz'mina Aitalina Akhmetovna, Ph. D. in Philology
*The Institute for Humanities Researches and Indigenous Studies of the North,
Russian Academy of Sciences, Siberian Branch
aitasakha@mail.ru*

The article is devoted to the compilation of the indicator of plot motifs of the work in the style of olonkho by S. S. Egorov "Bogatyr Kun Tegierimen". It is revealed that this work is written on the whole in the traditional canon of olonkho, however the changes in the motif, addition of new motifs take place, which are peculiar to the written folklore transformation.

Key words and phrases: folklore; epos; olonkho; self-record; indicator; plot motif.

УДК 82

В статье определяется специфика языкового и литературного родства А. Солженицына и писателей-деревенщиков. Через анализ лексем, включенных в «Русский словарь языкового расширения» с пометой принадлежности В. Белову, В. Распутину и В. Астафьеву, раскрывается вопрос функционирования данных слов в произведениях А. Солженицына с точки зрения сохранения или изменения писателем смыслового поля того или иного слова.

Ключевые слова и фразы: лексема; словарь; язык; произведение; литературная коллекция; творчество В. Белова, В. Распутина, В. Астафьева, А. Солженицына.

Малыгина Инна Юрьевна, к. филол. н.
*Ставропольский государственный педагогический институт
pavlihina@bk.ru*

**ЛИТЕРАТУРНО-ЯЗЫКОВОЕ РОДСТВО А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА И ПИСАТЕЛЕЙ-ДЕРЕВЕНЩИКОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ «РУССКОГО СЛОВАРЯ ЯЗЫКОВОГО РАСШИРЕНИЯ»)**

Данная статья продолжает начатую нами в одном из предыдущих выпусков альманаха работу по осмыслению специфики «литературного диалога» А. И. Солженицына и русских писателей XX в. [6, с. 34-39].

Объектом изучения в представленном исследовании стали произведения А. Солженицына, В. Белова, В. Распутина, В. Астафьева в аспекте их литературно-языкового единства. Опираясь на «Литературную коллекцию» Александра Исаевича, в которой дается оценка творческому наследию писателей, характеризуются особенности их идиостиля, художественного метода, нами раскрывается специфика функционирования дефиниций «Русского словаря языкового расширения» в творчестве обозначенных писателей-деревенщиков.

Александр Исаевич появление писателей-деревенщиков в 1970-е гг. оценил как «беззвучный переворот»: писали так, будто соцреализма до них и вовсе не было, основным их материалом стала деревенская жизнь, а цель писателей определилась как возрождение традиционной нравственности [14, с. 186]. В «Литературной коллекции» Солженицын выделил двух ярчайших «нравственников» – Василия Белова и Валентина Распутина.

Очерк о В. Белове Солженицын начинает с выделения одной из значимых литературных традиций в русской прозе XIX-XX вв.: «То, до чего Глеб Успенский досмотрелся пытливым взглядом доброжелательного стороннего наблюдателя – *власть земли* (Курсив автора – И. М.), – то через 80 лет Василий Белов бесхитростно излил нам из своего крестьянского естества, из своей души и опыта. Из чего вырос – о том всё написал, этого не сочинить» [12, с. 154]. Белов, по Солженицыну, – истинный народный писатель, создающий «верные картины, так жадно необходимые» русскому читателю, советской литературе: «Привычное дело» (1966), «Плотничьи рассказы» (1968), «Кануны» (1976, 1987), «Лад» (1979-1981), «Все впереди» (1986), «Год великого перелома» (1989). С неподдельным интересом и увлеченностью повестями, романными полотнами, этнографическими очерками о жизни русского крестьянства Александр Исаевич детально, скрупулезно прописывает достоинства и недоработки Белова, отмечая в «драгоценностях русской печатности» (а именно такова оценка Солженицыным наследия писателя-деревенщика) [Там же, с. 164] не только литературное мастерство автора, но и языковое.

Наиболее интересным для Александра Исаевича представилась беловская лексема «вызнато-перевызнато», встречаемая на страницах повести «Привычное дело»: «За жизнь каждое дерево **вызнато-перевызнато**, каждый пень обкурен, обтоптана любая подсека» [2, с. 180]. В своих текстах Солженицын не использует именно эту форму, поскольку в силу своей эмотивности слово становится слишком «авторским» и его употребление в текстах последователей будет расцениваться только как подражание или повторение. А ведь именно это и было неприемлемо для Солженицына – писателя-индивидуалиста с неповторимыми собственным стилем, манерой письма.

Родственная форма беловскому слову была найдена – и не менее яркая, глубокая: «Отчего билетов не давали, паразиты несочувственные, – **не знато...**» («Матренин двор») [13, с. 129]; «Стадо черное этих эзков, и в таком же бушлате Щ-311 – человек, кому без золотых погонов и жизни было **не знато**, с адмиралом английским яхшался, а теперь с Фетюковым носилки таскает» («Один день Ивана Денисовича») [Там же, с. 83].

Несмотря на высоко оцененную народную речь, «живейший» язык, на котором говорят друг с другом герои произведений Белова, Солженицын заканчивает свою статью достаточно резким высказыванием (подобный тон – не редкость для материалов «Литературной коллекции»): «Все разговоры крестьянские – живые, достоверные до последнего звука. Однако собственный авторский язык Белова не выражен своеобразно, им не приходится наслаждаться. И в нём – меньше богатых живучих русских слов, нежели у Распутина и Астафьева» [12, с. 169]. Видимо, поэтому в «Русский словарь языкового расширения» автор внес чуть более 10-ти слов из произведений В. Белова, 50-ти – из В. Астафьева и 60-ти – из В. Распутина.

Валентин Распутин, как отмечает Солженицын, вошел в литературу в конце 1960-х гг., но настоящий прорыв был совершен в 1974 г., когда он смело переступил одну из запретных тем того времени – тему дезертирства, поднятую писателем в «Живи и помни». При этом Валентин Григорьевич сумел сделать так, что дезертир получил к тому же еще и сочувствие, понимание со стороны читателя. Впервые на героя этого типа посмотрели иным взглядом – не осуждающим, не приговаривающим человеческим презрением. Два года спустя Распутин издает свое сильнейшее, говоря оценками Александра Исаевича, произведение – «Прощание с Матерой». Повесть прозорливая, с голосами народа, природы, человеческой памяти, с полнотой чувств – о родной земле, ее вечности. Читая распутинскую повесть, нельзя не согласиться с Солженицыным: «Распутин – из тех прозорливцев, которому приоткрываются слои бытия, не всем доступные и не называемые им прямыми словами» [14, с. 187].

«Что передать вороне», «Наташа», «Изба», «Нежданно-негаданно», «В ту же землю» – ни одно произведение не ускользает от пытливого взгляда Александра Исаевича. «Органичайшей» чертой творчества Распутина, по Солженицыну, становится «безраздельное слитие» с русской природой (не зря автор статьи называет писателя «певцом Сибири») [Там же, с. 186] и с русским языком. «Распутин – не пользователь языка, а сам – живая непроизвольная струя языка. Он – не ищет слов, не подбирает их, – он льётся с ними в одном потоке. Объёмность его русского языка – редкая среди нынешних писателей. В “Словарь языкового расширения” я от Распутина не мог включить и сороковой части его ярких, метких слов», – пишет Солженицын в статье [Там же, с. 189]. И вот лишь малая их часть: «выгадливый», «густоплодье», «изневериться», «истайна», «набежники», «насмелиться» (это слово встречается и в прозе Д. Мамина-Сибиряка, а родственное ему «насмелеть» – у Е. Замятина), «неподатный», «откорениться» (т.е. потерять корни), «попеременке», «пострадалцы», «прямосудие».

Среди слов, встречающихся у Распутина, Солженицын выделил лишь некоторые, которые включил в художественный мир своих произведений. До чего живо и естественно употребление лексемы «опоздниться»: «А тоже: ставни не закрывали, чтобы не пролежать, не прозевать свет, чтобы, значит, не **опоздниться**» («Прощание с Матерой») [8, с. 24] – «**Опозднясь**, по вскрытию рек, из томского Интегралсоюза (промысловопотребительской кооперации) послали им баржи с мукой и солью, но и те не смогли подняться по Васюгану» («Архипелаг ГУЛАГ») [10, с. 298]. «Опоздать» значит сделать что-либо после нужного срока. В произведениях

Распутина и Солженицына эта лексема выступает с коннотацией «жизненная необходимость». «Опоздниться» для Настасьи – остаться в числе единичных коренных жителей острова в ожидании смерти. Подробно описанная картина сборов Настасьи в город завершается ключевой фразой героини: «Это так я бы и сама осталась, а нельзя» [8, с. 24]. Она понимает, что сделанный ею шаг – самый значимый в ее жизни, жизни родных, поскольку именно в этот момент Настасья порывает со своими корнями, историей, памятью, говоря метким словом самого Распутина, «откореняется». А «опозднившаяся» баржа с мукой и солью из солженицынского «Архипелага ГУЛАГ» – последний аккорд смерти для 60-70 тысяч человек (10 тысяч семей), неизбежный финал Васюганской трагедии 1930 г., вовлекающий в круговорот смерти живых людей.

В повестях Распутина мы встречаем еще одно любопытное слово, позже включенное в «Русский словарь языкового расширения» Солженицыным и использованное писателем в своем творчестве. «**Прогал** (*Рен*), **прогаль** – открытое место, проем, полон, продушина» [9, с. 202]. «Она подходила к будке повечеру, когда солнце уже спускалось за Ангару, точно в тот западающий на горизонте **прогал**, где лежало Андреевское» («Живи и помни») [8, с. 134] – «А озеро – уж чистый **прогал**, там-то немцев бы увидели, при луне. Значит, и еще два километра на восток никого» («Адлиг Швенкиттен») [13, с. 534]. В процитированных отрывках распознается значение «открытости», «обозреваемости» с пространственной точки зрения. Однако у Распутина в «Прощании с Матерой» данное слово употребляется также в другом значении: «В эти негодные для работы дни от тоски и безделья, а пуще всего от какой-то неясной, вплоть подступающей тревоги люди часто собирались вместе, много одно по одному говорили, но и разговоры тоже были тревожными, вязкими, с длинными **прогалами** молчания» [8, с. 25]. Доминантная коннотация «открытости» сохраняется, т.к. эти «прогалы» ощутимы всеми участниками диалога, тем не менее, слово звучит по-новому, употребляясь уже в контексте временном – оно становится синонимичным паузе, приостанавливающей, замедляющей акт коммуникации и усиливающей эмоциональное напряжение.

С определенной частотностью в произведениях писателей используется лексема «изморный». Данная лексема встречается в «Толковом словаре живого великорусского языка» Даля: «**Изморный**, к измору относящийся» [4, т. 4, с. 230]. Сегодня остается только догадываться, почему многие слова, входящие в состав далевского свода, получают в солженицынском словаре «авторскую» помету: возможно, именно на страницах художественных текстов В. Распутина, В. Белова, В. Астафьева и других писателей русской литературы, в контексте лексемы раскрываются и поражают своим внутренним потенциалом, приобретают яркую, полноценную жизнь. А возможно, именно таким образом Солженицын определил тот круг мастеров, которые творили и жили с идеей воскрешения из забвения исконно русских слов, с идеей сохранения великого и могучего русского языка.

В «Живи и помни» Распутина: «Зато **изморное**, тягостное ожидание прорвалось, одна пропажа – худо ли, хорошо ли, но оправдана, потом, если все продолжится скрытно, станет легче – до того, конечно, интересного момента, когда понадобится оправдываться уже не в пропаже, а в находке – в приплоде» [8, с. 185], или в «Архипелаге ГУЛАГ» Солженицына: «Впрочем, если ты читаешь в очках, то ни книг, ни даже святого распорядка тебе не почитать в эти два **изморных** часа: ведь очки отняты на ночь, и еще опасно тебе их иметь в эти два часа» [10, с. 113]. У Распутина «изморное» передает невыносимость ожидания, так отягчавшее героиню, служит наибольшему раскрытию эмоционального содержания описываемой ситуации; у Солженицына «изморное» – характеристика порядка в целом, предусмотренного нечеловеческими законами Лубянки, когда не только два часа «насильственного бодрствования» с шести утра рассматриваются как невыносимые, тяжелейшие в жизни арестанта, но и все его время пребывания в «Главной политической тюрьме» приравнивается к «изморному».

Одним из важных событий в литературной жизни 2009 года стало присуждение премии Александра Солженицына Виктору Астафьеву посмертно. Н. Солженицына, президент русского общественного фонда Солженицына, и критик П. Басинский, член жюри, объяснили выбор лауреата и Наталья Дмитриевна дала пояснение, почему этого не произошло при жизни Солженицына: «Это решение жюри по сути исполнение воли Александра Исаевича. Просто раньше это выглядело бы неловко – один большой писатель награждает другого большого писателя» [7].

Астафьев – настоящий певец природы, искусно передающий тончайшие грани пейзажных картин. Это неоднократно подчеркивалось историками и критиками литературы. Даже Н. Я. Эйдельман свое скандально знаменитое «обличительное» письмо Виктору Петровичу начинает с признания: «Ему, думаю, принадлежат лучшие за многие десятилетия описания природы (“Царь-рыба”» [5, с. 62]. То же самое помимо исторической правды «свирепого воздуха войны», заключенной в произведениях писателя-деревенщика, ценил и Солженицын. Отсюда показательным выступает тот факт, что Александр Исаевич включает в текст собственных произведений лексику, взятую в основном из пейзажных зарисовок астафьевских текстов. Например, из рассказа «Царь-рыба»: «Вон кристаллики мерзлоты замерцали на **вытаине** по ту сторону речки, сиреневые пупырки на кедре видно, трясогузка кормится, куличок охорашивается, пуночки по дереву белыми пятнышками замелькали...»; «Чернолесье, тальники, шипица, боярышник, таволожник и всякая шарага оробели, остановились перед плотной стеной тайги и лишь буераками, пустошами, оставшимися от пожара, звериными **набродами**, крадучись пробирались в тихую прель дремучих лесов» [1, с. 56]. Астафьев использует лексему «наброд», следуя одному из определений ее значения в словаре Даля: «**Наброд** (*Производное от “набраживать” – И. М.*) – разбраживать, делить бродя, межевать, проторяя тропинку. Наброд зверя бывает годами» [4, т. 6, с. 171].

Солженицын помещает в природные описания своих произведений лишь некоторые выбранные слова, сохраняя их исходное значение: «Первый снег лежал пятнами на обоих бережках, а в **вытаинах** между ними торчала желкло-коричневая трава» («В круге первом») [11, с. 108]. Остальные же лексемы получают иное значение. В «Архипелаге ГУЛАГ» «наброд» (со значением отдельной категории людей, касты в тюремной

иерархии) синонимична «сброду» – лексеме с пейоративным, пренебрежительным оттенком («люди, принадлежащие к разложившимся, преступным, антиобщественным элементам» [3, с. 1152]): «Кто же живет в прилагерном мире? <...> 8) Собственно вольняшки, все *наброд* да приволока – разные приبلудные, пропащие и приехавшие на лихие заработки» [10, с. 177].

Помимо распутинских и солженицынских произведений, лексема «изморное» встречается и в текстах Астафьева, в которых значение слова контекстуально раскрывается по-разному: в «Царь-рыбе», «Так хочется жить», «Плацдарме» оно сопровождает в основном либо пейзажные зарисовки, передавая невыносимость погодных условий, либо тяжелое состояние героев, обусловленное природными явлениями; также изморной он называется и бруснику – мелкую созревшую ягоду.

Достаточно часто Солженицын использует слово, внесенное им в «Русский словарь языкового расширения» с пометой «Астафьев», – «*обочь*». Данная лексема включена в «Большой толковый словарь русского языка», в солженицынский словарь и трактуется как народно-разговорный языковой элемент со значением «в стороне, сбоку» [3, с. 681]. Оба писателя сохраняют это значение слова, не привнося ничего авторского. В текстах Валентина Петровича «обочь» встречается трижды в «Затесях», дважды в «Веселом солдате» и по одному разу в «Жизнь прожить», «Ловле пескарей в Грузии», а у Александра Исаевича лишь дважды – в книге «Бодался теленок с дубом» и романе «В круге первом».

Итак, на материале определенного круга текстов писателей XX в. мы вслед Солженицыну попытались раскрыть глубину русского слова, показать его силу и энергетику воздействия на читателя. При этом, проводя столь скрупулезный лингвостилистический анализ текстов рассмотренных нами писателей, нельзя не отметить наличие у Солженицына особого диалога с художниками слова XX века. Диалог это осуществлялся не столько через использование одной лексики, одних и тех же слов, но и через особое языковое чутье, выводящее на уровень иного осмысления художественного целого и творчества данных писателей в их взаимосвязи.

Солженицын ценит писателей-деревенщиков за умение использовать в своем речевом обороте именно те слова, которые воссоздают живую разговорную речь. При этом большинство лексем приобретают зачастую в произведениях Белова, Распутина, Астафьева, как и самого Солженицына, глубоко философское звучание. Исконно русское, «нутряное», чего и добивался всяческими усилиями Александр Исаевич, передается через использование слов, характеризующих либо внутреннее состояние героев, либо внешнюю среду, в которой пребывают персонажи. Языковое родство помогает в большей степени понять мировоззрение писателей, найти точки сопряжения в их идейно-философских и эстетических началах. И это родство, как показало исследование, выводит нас на уровень репрезентации русской писательской интеллигенцией национального самосознания.

Список литературы

1. Астафьев В. П. Собрание сочинений: в 15-ти т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 6. Царь-рыба. 432 с.
2. Белов В. И. Привычное дело. М.: Прогресс-Плеяда, 2007. 192 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2004. 1536 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 12-ти т. М.: Мир книги, 2003. Т. 4. 368 с.; Т. 6. 368 с.
5. Из переписки Н. Я. Эйдельмана с В. П. Астафьевым // Даугава. 1990. № 6. С. 62-67.
6. Малыгина И. Ю. «Русский словарь языкового расширения» А. И. Солженицына как форма «диалога» с русскими писателями XX в. (А. Солженицын, Е. Замятин, И. Шмелев) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 1. Ч. 2. С. 34-39.
7. Премия бесстрашному солдату [Электронный ресурс] // Известия. 2009. 27 апреля. URL: <http://izvestia.ru/news/347966> (дата обращения: 13.01.2016).
8. Распутин В. Г. Повести. М.: ЭКСМО, 2002. 703 с.
9. Русский словарь языкового расширения / сост. А. И. Солженицын. М.: Русский путь, 2000. 280 с.
10. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918-1956: Части I-II // Солженицын А. И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Время, 2010. Т. 4. С. 1-324.
11. Солженицын А. И. В круге первом. М.: Время, 2010. 354 с.
12. Солженицын А. И. Василий Белов // Новый мир. 2003. № 12. С. 154-170.
13. Солженицын А. И. Рассказы и крохотки. М.: Время, 2006. 672 с.
14. Солженицын А. И. Слово при вручении премии Солженицына Валентину Распутину 4 мая 2000 // Новый мир. 2000. № 5. С. 186-189.

LITERARY AND LINGUISTIC RELATIONSHIP BETWEEN A. I. SOLZHENITSYN AND VILLAGE-PROSE WRITERS (BY THE MATERIAL OF THE “RUSSIAN DICTIONARY OF LANGUAGE EXTENSIONS”)

Malygina Inna Yur'evna, Ph. D. in Philology
Stavropol State Pedagogical Institute
pavlihina@bk.ru

The article identifies the specifics of linguistic and literary relationship between A. I. Solzhenitsyn and village-prose writers. Relying on the analysis of the lexemes included into the “Russian Dictionary of Language Extensions” with a label of V. Belov’s, V. Rasputin’s and V. Astafyev’s authorship the paper discovers the problem of functioning of these words in A. I. Solzhenitsyn’s works from the viewpoint of preserving or transforming the semantic field of a certain word.

Key words and phrases: lexeme; vocabulary; language; work; literary collection; creative work of V. Belov, V. Rasputin, V. Astafyev, A. Solzhenitsyn.